

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги первой части нашего исследования, можно сделать вывод, что судьба России в большой степени определялась влиянием *географического фактора*. Русская равнина представляла собой огромный лесной массив, южнее которого располагались степи, а северо-западнее — почти непригодная в то время для земледелия «Северная Пустыня», Скандинавия. Причерноморская степь представляла собой западное ответвление занимавшей половину Евразии Великой Степи; это было обиталище кочевых народов, резко отличавшихся своим жизненным укладом от земледельцев. Кочевой образ жизни, освоение верховой езды и постоянная жестокая борьба за существование превратили кочевников в кентавров, обладавших полным военным превосходством над пешими ополчениями невоинственных лесных народов. Роль военной техники со всей силой продемонстрировала влияние *технологического фактора*: время от времени инновации в применении кавалерии давали кочевникам новые военные преимущества, и с востока, из Великой Степи, в Причерноморье приходила очередная волна нашествия непобедимых и жестоких завоевателей. Скифская волна была связана с появлением конных лучников, сарматская — с появлением катафрактов-копейщиков, гуннская — с созданием сложносоставного гуннского лука, аварская — с появлением стремени, тюрко-хазарская — с созданием тюркского седла, половецкая — с появлением сабли, монгольская — с созданием монгольского лука.

Другим очагом, извергавшим волны нашествий, была «Северная Пустыня»: высокое демографическое давление, скотоводческие занятия населения и постоянные войны делали менталитет скандинавов подобным агрессивному менталитету кочевников, и время от времени в руки скандинавов попадало новое оружие. Волна норманнских завоеваний была связана с изобретением дракара, а нашествие готов — с тактикой использования копейной фаланги.

Лесная и степная зоны Русской равнины существенно различались по условиям хозяйственной деятельности. В отличие от Великой Степи в причерноморских степях было возможно земледелие; по сравнению с лесной полосой здесь были более плодородные поч-

вы и более теплый климат, поэтому обитатели лесов во все времена стремились переселиться в лесостепи — а затем и в степь. Однако периодические нашествия кочевников приводили к гибели земледельческих поселений в степи. Уцелевшие земледельцы бежали в северные леса, но кочевники преследовали их и подчиняли южные лесные области — в то время как северные лесные племена оставались независимыми (или почти независимыми). Затем, когда положение стабилизировалось, подчинившиеся кочевникам славяне выходили из лесов и с позволения завоевателей снова осваивали лесостепи — но следующее нашествие вновь приводило к гибели этих поселений.

Волны нашествий и демографические катастрофы разделили историю Русской равнины на несколько периодов. Иной раз нашествия следовали друг за другом со столь малым временным промежутком, что завоеватели не успевали создать новое государство. Так было в период Великого переселения народов, когда следом за гуннами пришли авары, а затем — древние тюрки (тюркюты). В другом случае завоевавшие причерноморские степи половцы не смогли использовать свое превосходство в условиях лесов, и равнина была разделена между разными народами по границе природных зон. В целом насчитывается семь периодов, когда на Русской равнине существовали относительно стабильные государственные или племенные образования — это скифский, сарматский, готский, хазарский, киевский, монгольский и московский периоды. Если попытаться выделить общее в их исторической динамике, то надо отметить, что все эти периоды начинались после демографических катастроф, далее следовал рост населения, который заканчивается новой катастрофой в конце периода — таким образом, мы имеем дело с *демографическими циклами*. В шести случаях, кроме последнего, московского, главной причиной катастрофы было нашествие новых народов, порожденное созданием нового оружия. Становление Московского царства и господство русской народности в последнем, московском периоде, также было связано с фундаментальной военной инновацией — с появлением огнестрельного оружия, вызвавшего волну русских завоеваний.

После окончания завоеваний начинался период социального синтеза, в течение которого происходил активный культурный взаимообмен между победителями и побежденными. Результатом синтеза во всех случаях, кроме московского, было создание ксенократического государства, в котором завоеватели становились военным сословием; причем в состав нового военного сословия входили и подчинившиеся завоевателям представители прежнего военного со-

словия, господствовавшего в предыдущий период. (В московском варианте в состав русского дворянства также были включены татарские огланы). Иногда (в скифский и киевский периоды) покоренные народы принимали имя завоевателей.

Специфика географического положения Русской равнины заключалась в близком соседстве с могущественными и культурными государствами Средиземноморья и Ближнего Востока. Поэтому вскоре после стабилизации нового государства оно начинало испытывать мощное политическое и культурное влияние с юга. Затем происходил процесс частичной трансформации этого нового государства по образцу южных соседей. Скифский период характеризовался усвоением греческой культуры, готы усваивали римскую культуру, хазары — иудейскую и мусульманскую культуру Ближнего Востока, варяги-русы — византийскую культуру, монголы и татары — персидскую культуру, а москвиты — османские военные и политические порядки. В некоторых случаях перенималась не только культура, но и религия: в хазарском случае ближневосточное культурное влияние привело к принятию иудаизма, русы обратились в православие, а монголо-татары приняли ислам. Во всех трех случаях (и в четвертом — московском), трансформация по ближневосточному образцу привела к перениманию порядков этактистской монархии.

Напомним, что в теории Ибн Халдуна на Ближнем Востоке вслед за завоеванием страны кочевниками следовало перенимание вождями завоевателей характерного для завоеванных обществ этактистского самодержавия. На Русской равнине самодержавие всегда было пришлым, оно было результатом диффузионного влияния с юга. К моменту нового завоевания в результате традиционалистской реакции оно обычно сходило на нет, поэтому пришельцы не могли заимствовать этактизм у покоренного населения. Но они снова и снова заимствовали его у развитых южных цивилизаций — в этом проявляется определенная закономерность, говорящая о том, что (с определенной модификацией) теория Ибн Халдуна применима не только для древних цивилизаций, но и для областей, подверженных их диффузионному влиянию.

Соседние цивилизации подчиняли себе причерноморскую периферию также и в торговом отношении. В соответствии с теорией мир-систем И. Валлерстайна, новые государства на Русской равнине быстро включались в мировой рынок и поставляли в южные страны требуемые ими товары. Обычно это были меха и рабы, которых захватывали в плен во время междоусобиц или в походах на непокорные племена. Работоторговля в особенности процветала в скифский,

киевский и монгольский периоды, а в московскую эпоху ею занимались крымские татары, совершавшие набеги на Русь.

Хотя ксенократическая элита облагала покоренное население данью, работорговля была более важным источником доходов. Между тем пришедшие к власти самодержавные монархи не позволяли поработать своих подданных, а внешние источники рабов с окончанием завоеваний быстро уменьшались. Растущая элита, таким образом, ощущала сокращение своих доходов, и ее естественные устремления были направлены на ниспровержение самодержавия и на развязывание междоусобных войн с целью захвата рабов. Эти устремления смыкались с традиционалистской реакцией против пришедших с Ближнего Востока этатистских порядков — и в конечном счете государство распалось на удельные княжества и ханства. Естественным образом проявлялись и другие закономерности халдуновского цикла: ослабление социальной сплоченности («асабии») завоевателей, развитие индивидуализма и потребительства.

Таково было развитие событий в киевский и в монгольский периоды; оно определялось в основном процессами диффузии и происходило в рамках халдуновского цикла по схеме: завоевание — социальный синтез и создание ксенократического государства — трансформация по ближневосточному образцу — период господства этатистской монархии — традиционалистская реакция — распад — новое завоевание. По этой схеме, по-видимому, происходило развитие и в хазарский период — насколько позволяют судить немногочисленные источники. *Демографический фактор* в эти периоды не был определяющим. В киевский и монгольский периоды его действие прослеживается лишь в Северо-Западном регионе, где экологическая ниша была узкой и перенаселение приходило достаточно быстро. Как и предсказывает демографически-структурная теория, Сжатие приводило здесь к развитию городов, ремесел, распространению крупного землевладения и аренды, к обнищанию крестьян и к социальным конфликтам в городах — а потом к голоду, эпидемиям и демографическим катастрофам. Однако в других областях Руси земли было достаточно, и причиной катастроф здесь были нашествия внешних врагов.

Несколько иное течение событий отмечается в московский период. Московское государство не было результатом завоевания, и его рождение было связано с восприятием не завоевательной, а диффузионной волны. Таким образом, в описанном выше цикле оказались пропущенными два первых этапа, и развитие началось непосредственно с трансформации по ближневосточному образцу. Перенимание новой военной технологии в ходе этой трансформации

позволило Московскому царству стать центром силы на Восточноевропейской равнине; это породило волну русских завоеваний, которая и положило начало огромному российскому государству. Это был первый случай, когда завоевательная волна исходила из славянских земель и славяне принуждали другие народы перенимать их порядки. Однако эти порядки, в свою очередь, были порождены трансформацией по образцу Османской империи. Следуя по этапам описанного выше цикла, Московское царство пережило период господства этатистской монархии и традиционалистскую реакцию, которая, впрочем, оказалась слабой и не привела к распаду государства.

Другой особенностью московского периода было более отчетливое действие демографического фактора; перенаселение теперь наблюдалось не только на Северо-Западе. В середине XVI века оно распространилось и на центральные области Московской Руси, здесь тоже наблюдалось измельчание крестьянских наделов, и крестьяне не имели достаточных запасов зерна. Резкое повышение налогов в таких условиях должно было привести к экосоциальному кризису — который и разразился в 1570-х годах. Хотя в этом кризисе (как и в предыдущих случаях) существенную роль сыграло вторжение внешних врагов, главной причиной катастрофы на этот раз было перенаселение и Сжатие.

Таким образом, можно сделать вывод, что трехфакторная модель, учитывающая взаимодействие географического, технологического и демографического фактора в целом достаточно хорошо описывает основные моменты развития государств, существовавших до начала XVII века в пределах Русской равнины. Совместное использование диффузионистской и демографически-структурной теорий помогает объяснить некоторые явления, прежде казавшиеся загадочными многим историкам — например, опричнину Ивана Грозного. Это объяснение, разумеется, не исключает возможности других объяснений с использованием других методологий. В конечном счете вопрос о преимуществах той или иной модели может быть решен лишь практикой исторического исследования — повседневной работой историков, изучающих материалы разных стран и разных эпох.